

УДК 82'282

DOI: 10.30624/2220-4156-2022-12-2-367-375

**Рукопись XVII века «Звательные речи зырянского языка»:
культурно-исторический контекст и предварительные версии происхождения**

Г. В. Федюнева

*Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения РАН,
г. Сыктывкар, Российская Федерация,
fedyneva@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Рукописный словарь коми-зырянского языка, недавно обнаруженный в составе древнерусского сборника 1668 г., является самым ранним памятником в истории коми лексикографии. Он относится к периоду, почти не документированному письменными свидетельствами и требует, прежде всего, культурно-исторической интерпретации с точки зрения его происхождения.

Цель: на основе общего текстологического анализа и исторических событий на европейском северо-востоке России на рубеже XVI–XVII вв. визуализировать вероятностную историю создания новооткрытого памятника коми-зырянского языка.

Материалы исследования: коми-зырянский словарь в рукописном сборнике древнерусского книжника Прохора Коломнятина (1668 г.)

Результаты и научная новизна. В статье впервые предложены две версии истории происхождения зырянского словаря в составе древнерусского сборника: 1) словарь был записан самим автором сборника со слов коми человека, находившегося в пределах московско-ростовских земель и 2) рукопись словаря была приобретена им и позже переработана в соответствии со структурой и концепцией сборника. Последняя версия аргументируется как предпочтительная. Структура, лексические и фонетические особенности словаря позволяют предполагать, что он был составлен в северо-западном регионе Коми края, каким-то торговым человеком, возможно, русским купцом-скупщиком, его приказчиком или доверенным лицом, которые ездили по северо-западным коми деревням для скупки товара и его последующей перепродажи на центральных рынках европейского севера России. Составитель сборника мог получить рукопись как из рук торговца, приехавшего на ярмарку, так и из других источников, но прежде чем включить в сборник, он её переработал и переписал в соответствии со структурой и концепцией сборника.

Ключевые слова: историческая лексикография, памятники письменности, коми-зырянский язык, текстология

Благодарность: публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU-2021-0008 «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья».

Для цитирования: Федюнева Г. В. Рукопись XVII века «Звательные речи зырянского языка»: культурно-исторический контекст и предварительные версии происхождения // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 2. С. 367–375.

**The manuscript of the XVII century «Colloquial speech of the Zyryan language»:
cultural and historical context and preliminary versions of the origin**

G. V. Fedyuneva

*Institute of Language, Literature and History,
Komi Science Center, Ural Branch, Russian Academy of Science,
Syktyvkar, Russian Federation,
fedyneva@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction: the handwritten dictionary of the Komi-Zyryan language, recently discovered as part of an old Russian collection dated 1668, is the earliest work in the history of Komi lexicography. It belongs to a period almost undocumented by written evidence and requires, first of all, cultural and historical interpretation from the point of view of its origin.

Objective: on the basis of a general textual analysis and historical events in the European north of Russia at the end of the XVI–XVII centuries to visualize the probabilistic history of the creation of the newly discovered monument of the Komi-Zyryan language.

Research materials: Komi-Zyryansky dictionary in the manuscript collection of the old Russian scribe Prokhor Kolomnyatin (1668).

Results and novelty of the research: the article for the first time offers two versions of the history of the origin of the Zyryan dictionary as part of the old Russian collection: 1) the dictionary was written by the author of the collection himself from a Komi person living within the Moscow-Rostov lands; 2) the manuscript of the dictionary was acquired by him and later revised in accordance with the structure and concept of the collection. The latest version is argued as preferred. The structure, lexical and phonetic features of the dictionary suggest that it was compiled in the north-western region of the Komi Krai by some merchant, perhaps a Russian merchant-buyer, his clerk or a trusted person who traveled to the north-western Komi villages to buy goods and then resell them in the central markets of the European North of Russia. The compiler of the collection could have received the manuscript both from the hands of a trader who came to the fair, and from other sources, but before including it in the collection he revised and rewrote it in accordance with the structure and concept of the collection.

Key words: historical lexicography, monuments of writing, the Komi-Zyryan language, textology.

Acknowledgements: the publication was prepared as part of the implementation of the state task of the Komi Scientific Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, the state registration number of the project FUUU-2021-0008 “Permian languages in the linguocultural space of the European North and the Urals”.

For citation: Fedyuneva G.V. The manuscript of the XVII century «Colloquial speech of the Zyryan language»: cultural and historical context and preliminary versions of the origin // *Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies*. 2022; 12 (2): 367–375.

Введение

Новый памятник коми-зырянской письменности находится в составе древнерусского сборника, недавно обнаруженного Н. В. Савельевой в Отделе рукописей Государственного исторического музея (Музейское собр., № 2803). Содержание сборника в целом сопоставимо с другими монастырскими сборниками XV–XVII вв., однако отличается выраженной склонностью его составителя к систематизации материалов, в том числе, по словарному принципу. Сборник интересен также тем, что, наряду со статьями религиозно-нравственного содержания, в нём находятся оригинальные двуязычные словари-разговорники карельского, коми-зырянского и крымско-татарского языков. Согласно собственноручной надписи составителя сборника¹ и дополнительной палеографической и текстологической аргументации Н. В. Савельевой сборник датируется 1668 г. и атрибутируется древнерусскому книжнику Прохору Коломнятину [13].

Из биографии Коломнятина известно, что в кон. 70-х – нач. 80-х гг. XVII в. он монашествовал в Московских, Ростово-Ярославских, затем Костромских пределах. Эти сведения достоверно реконструируются по двум памятникам русской литературы. Это дидактический сборник «Школьное благочиние» (1682–1683 гг.) и сборник стихотворных компиляций «Алфавит двоестрочный» (1684–1685 гг.), составителем которых является чёрный поп Прохор, монах Зосимо-Савватиевской пустыни Марчуги под Москвой, позже иеромонах Костромского Ипатьевского монастыря. Из более раннего периода жизни этого книжника

известно только то, что он был родом из Коломны (о чём свидетельствует прозвище Коломнятин) и что до 80-х гг. XVII в. около 30 лет иночествовал в каком-то монастыре [5, 10].

Новооткрытый сборник, названный его составителем «Цветник», позволяет дополнить имеющуюся информацию. Согласно реконструкции Н. В. Савельевой, Прохор Коломнятин в 60-ые гг. XVII в. также находился в ростовских землях, возможно, в Переяславском Троицком Данилове монастыре, где не позднее 1652 г. принял постриг с именем Прохор [13, 56]. По материалам тюркско-русского лексического свода читается, что до принятия пострига будущий чёрный монах имел непосредственное отношение к военному делу, служил где-то на южных рубежах Московии и, будучи военнопленным в 40-е – нач. 50-х гг., записал материалы тюркского свода непосредственно в Крыму [14, 497–500].

В этом контексте становится более определённой как история создания сборника, так и отдельных его материалов. Общий текстологический анализ, проведенный Н. В. Савельевой, показал, что сборник составлен одним человеком и написан одной рукой, хотя вариативность почерка, использование разных чернил и бумаги, а также разная разлиновка листов говорят о разновременности их записи. Кроме того, очевидно, что рукопись собрана из материалов, записанных в разных местах и, возможно, из разных источников. Отдельные листы, записанные составителем сборника, позже могли быть отредактированы им и включены в сборник уже при переплёте [13, 55; 14, 475].

¹ «Сия книга рекомя Цвѣтникъ чернаго дьякона Прохора Коломнятина. Подписал своею рукою 176-го (1668) году февраля в 7 день» (л. 219)

Таким образом, верхняя граница датировки памятника означает только то, что материалы сборника, сильно разные по происхождению, были переписаны и скомпонованы в соответствии с авторской концепцией в 1668 г. Следовательно, до того, как поставить свою подпись о завершении работы над сборником, его автор-составитель собирал, перерабатывал и переписывал материалы достаточно длительное время.

По предварительным данным, карельский и коми-зырянский словарные материалы были собраны Прохором в Поволжье, по крайней мере, об этом свидетельствуют особенности карельского разговорника, который отражает язык тверских карел, населивших Поволжье в результате миграционных процессов, особенно мощных в 1640–1660-е гг. [13, 58; 15, 4]. Однако, понятно, что история каждого из текстов сборника требует отдельного рассмотрения, исходя из особенностей каждого памятника. Если словарь-разговорник крымско-татарского языка содержит большие текстовые материалы, позволившие исследователям воссоздать историю его происхождения по особенностям лексики, источникам и сюжетам записанных рассказов, то краткий текст зырянского словаря не даёт никаких сведений для его более определенной датировки. Можно лишь высказать некоторые предположения о социальном статусе информанта (информантов), исходя из языковых особенностей текста и косвенных данных о культурно-исторической ситуации в России конца XVII в.

Материалы и методы

Материалом для исследования является текст рукописного памятника XVII в., изучение и адекватное описание которого требуют применения комплексного подхода, включающего, с одной стороны, выявление языковых и литературных особенностей изучаемого текста, с другой – учёт специфики исторического периода его создания и культурно-исторического фона эпохи. Соответственно, в исследовании были использованы как традиционные для историко-литературоведческой и лингвистической текстологии методы и приемы, так и общенаучные и специальные методы исторической науки. Применён также широко используемый во многих гуманитарных науках нарративный или описательно-повествова-

тельный метод, позволяющий интерпретировать явления и события, основываясь на комплексе данных (в том числе, косвенных), исходя из установленных исторических фактов и их причинно-следственных связей.

Результаты

Коми словарь, озаглавленный «Звательные рѣчи зырянского языка, сирѣчь сирскаго» (185 об.–188 об.), представляет собой небольшой по объёму список коми-зырянских слов и словосочетаний, который состоит из денежного счёта, около ста слов бытовой лексики и перевода молитвы «Трисвятое». В отличие от словарей-разговорников XVI–XVII вв., он не содержит связных текстов и типичных для диалогов фраз. Лексика, представленная числительными и существительными в основной форме и шестью глаголами в императиве, в целом является общеупотребительной и относится к активному словарному фонду современного коми языка². Для выстраивания нарративной истории происхождения словаря значимы, на наш взгляд, только два момента: 1) языковые особенности памятника, указывающие на *нуль-эловые* коми-зырянские говоры Вымы и Ижмы, и 2) занимающий больше половины словаря (185 об.– 187 об.)

Как отмечалось, Прохор Коломнятин работал над сборником в одном из ростовских монастырей в 50-60-ые гг., после того как вернулся из крымского плена и принял постриг по вкладу. История создания оригинальных коми-зырянского и карельского словарей, включённых в состав сборника, также рассматривается в этих пространственно-временных (хронотопных) границах, причём, по предварительной версии Н. В. Савельевой, словари были записаны самим составителем сборника со слов носителей этих языков на слух [13, 58].

На наш взгляд, вопрос о том, был ли зырянский словарь записан автором сборника со слов коми человека, находившегося в московско-ростовских землях, остаётся открытым. В пользу этой версии нет ни прямых, ни косвенных доказательств, хотя полностью исключить такую возможность нельзя.

Исходя из общих соображений, информантом Прохора мог быть зырянин, связанный с северо-западным коми-зырянским регионом, по

² Публикация и анализ текста памятника: см. [15, 7–9, 19–25].

каким-то причинам оказавшийся в ростовских (шире – московских) землях, который владел русским языком и мог оперировать денежным счётом в пределах больших сумм, т. е. был мобильным и достаточно грамотным для своего времени человеком.

Таких, по мнению историков, было немного, хотя грамотные люди встречались не только среди духовенства и чиновников, но и среди крестьян. По документам XVI–XVII вв., основное коми население, дисперсно проживавшее на отдалённых восточных окраинах русского севера, было неграмотным и плохо понимало по-русски. Школы отсутствовали, единственными очагами просвещения были немногочисленные монастыри.

1.1. В связи с этим, можно предположить, что информантом инок Прохора мог быть человек из клира усть-вымских, яренских, устюжских, сольвычегодских или вологодских церковных приходов, исторически, со времён Стефана Пермского, связанных с ростовскими землями. В сер. XVII в. Коми край³ входил в состав разных епархий Московского патриархата, на территории которых, особенно в Яренском уезде, было много приходских храмов. Все храмы края в тот период были в полной мере обеспечены клиром, только дьяконы находились при уездных соборных храмах, а также традиционно проживали в Усть-Выми [4, 197–202]. Несмотря на то, что Усть-Вымь рано утратила статус епископской кафедры, до конца XVI в. она оставалась древнейшим кафедральным центром, основанным Стефаном Пермским, а также местом паломничества к святым мощам его последователей, святителей Герасима, Питирима и Ионы. В 60–90-ые гг. усть-вымская десятина даже стала предметом долгого спора между различными епархиями [18, 46–49]. Несомненно, среди духовенства северо-восточных территорий были и коми служители, которые ездили в различные ведомства Московского патриархата по своим церковным нуждам.

1.2. Во-вторых, информантом инок Прохора мог быть кто-то из числа ратных людей, которые, по историческим документам, призывались в этот период в московские пределы из разных земель Русского государства, в том числе из Коми края. Это были участники военных действий Смутного времени, затем новоприбранные

стрельцы в 20–30-ые гг., и особенно в 50-е гг., когда многие даточные люди Яренского уезда направлялись в Москву «с лошадью своею и с телегой, и с кирками, и с заступы, и с топоры на год» по случаю новой войны с Польшей и для укрепления южной «засечной черты» для «бережения от татарского приходу», а затем служили «где государь укажет» [10, 95–106; 4, 189–190; 3, 74–75]. Косвенно в пользу версии говорит то, что примерно в это же время Прохор Коломнятин, имея какой-то офицерский чин, проходил службу на южных рубежах Московии [14, 498].

1.3. Наконец, и что представляется более вероятным, информантом Прохора Коломнятина мог быть кто-то из числа торговых людей, посетителей ростовских ярмарок, к слову, чаще проводившихся при монастырях [1]. Среди этих слоёв населения могли быть и зыряне, которые успешно торговали Сереговской солью, пушниной, ремесленными изделиями на рынках Сольвычегодска, Устюга, Архангельска, Вятки, Москвы, а также Прикамья, Поволжья, Сибири [6; 3, 64–67].

В целом не отрицая возможность встречи инок Прохора в московско-ростовских землях с каким-то зырянцем, надо сказать, что эта версия не имеет перспектив для дальнейшей верификации. Кроме того, остаётся неясной цель записи и включения в сборник зырянского денежного счёта, который с очевидностью не был предназначен ни для обучения, ни для коммуникативного использования, а также не преследовал дидактических, нравственно-поучительных целей, характерных для монастырских сборников того периода. Как и весь словарь, он дан сплошным текстом и не имеет видимой адресной направленности.

Конечно, запись иноязычной речи могла быть сделана просто из любопытства, поскольку Прохором «...руководил интерес к жизни в её необычных для него проявлениях» [13, 63]. В таком случае словарь должен был содержать более разнообразную лексику, как это можно видеть на примере карельского словаря или словарей-разговорников XVI–XVII вв., составители которых преследовали цель «освоиться в чуждом для них мире» [13, 63]. Однако инок за чем-то понадобилось записывать на слух от случайного зырянца перечень денежных единиц от ‘полденги’ до

³ На территории Коми края существовало несколько административных образований: Вычегодская, Вымская и Сысольская земли-волости, Ужгинская и Удорская волости, Глотова слобода и др., которые во II пол. XV – нач. XVII в. входили в состав Яренского, Сольвычегодского и Пустозёрского уездов, а после учреждения губерний – в составе Вологодской и Архангельской губерний [10, 13–32].

‘1000 тысящей рублей’, представляющий собой длинный список коми числительных, образованных по типовой схеме, с использованием только двух терминов *ур* ‘копейка’ и *шайт* ‘рубель’. Запись пересчёта русских денег в чужую «валюту» на слух и в таком большом объёме, не имея целей использовать этот список на практике только для того, чтобы записать чужую речь, представляется нам маловероятной.

Больше оснований предположить, что рукопись словаря инок Прохор где-то нашёл или получил её от кого-то из пришлых людей, перечисленных выше, или от местных, ростовских или московских книжников, с которыми имел достаточно тесные контакты. По утверждению исследователей, состав сборника, авторская подборка текстов и извлечений из разных бытовавших в тот период рукописных книг свидетельствуют о том, что Прохор целенаправленно использовал в своей работе издания московского Печатного двора середины XVII в. Он был хорошо осведомлён в книгоиздательских делах, бывал в Москве, общался с разными книжными людьми и мог выменивать или брать на списание рукописи у местных переяславских и московских книжников [14, 477–479]. В числе таких рукописных материалов мог оказаться и зырянский словарь⁴.

Логично предположить далее, что оригинал зырянского словаря, так или иначе попавший в руки Прохора Коломнятина, изначально был составлен как словарь-разговорник для осуществления торговых операций на территориях с зырянским населением. Косвенно это подтверждается исторической обстановкой в Яренском уезде – основной территории проживания коми населения, который в XVII в. активно включается в процесс формирования всероссийского рынка.

Исторические документы свидетельствуют о значительном росте торгово-промышленной деятельности в регионе, чему способствовало его расположение на стратегически важных для экономики России торговых путях сибирского и архангельского направлений. Транзитное торговое

движение по этим путям и посредническая торговля имели в тот период довольно значительные масштабы. В неё были вовлечены широкие круги населения края, в том числе коми.

Основным товаром, вывозимым из края, и основным источником денежных средств для местного населения были продукты охотничьего промысла. Прежде всего, это была пушнина, которая в больших количествах добывалась на продажу, а после опустошения местных лесов поступала из Зауралья, с сибирских соболиных торгов, а затем доставлялась на крупные российские и заграничные рынки. За пределы края вывозили десятками тысяч белок, десятками «сороков» соболей и горностаев, многие сотни куниц, выдр, росомах, бобров, лисиц, зайцев. Наряду с пушниной и другими продуктами традиционных промыслов коми во II пол. XVII в. в активный товарооборот включаются продукты сельского хозяйства, ремёсел и промыслов.

В этот период заметно прогрессирует процесс выделения профессиональных купцов, особенно в сфере межобластных связей, в том числе, и из местных зажиточных крестьян. Они закупали мягкую рухлядь у промышленных людей, едущих из Сибири, затем сбывали ее заезжим торговцам, перепродавали в местных торговых центрах Туглима, Турьи, Ижмы, Усть-Сысолы, Ношуля, Кебры, везли на рынки крупных торговых городов: Яренска, Пустозерска, Сольвычегодска, Устюга, Москвы и т. д. Заметную роль в этом бизнесе играли купцы-скупщики, которые разъезжали сами или посылали своих приказчиков на Сысолу, Вымь и Ижму для закупки промысловых и хозяйственных товаров у местного населения. Большая часть продукции местного хозяйства скупалась торговцами по деревням [6, 7–8, 15–16, 27; 4, 173–175; 3, 64–67; 12, 24–26 и др.].

Не исключено, что владельцем зырянского словаря Прохора Коломнятина первоначально был местный торговец, возможно, даже зырянин, носитель вымских или ижемских говоров. Однако более вероятно, что словарь принадлежал

⁴ О том, что какие-то материалы на коми языке имели хождение в московских пределах, свидетельствуют два памятника коми письменности XVII в., а именно: пермские названия месяцев в Церковном уставе 1608 г. [РГБ, Собрание Н. П. Румянцова ф. 256, № 449] и молитва «Отче наш» на коми языке [24], которую Николас Витзен нашёл в одном из московских монастырей, будучи в Москве в 1664 г. в свите голландского посольства Якоба Борейля [19, 277–281]. Известно также, что в монашеской среде московских монастырей долго сохранялся интерес к древнекоми азбуке и древнекоми языку [17, 72–78; 9, 75–84; 11]. Новые памятники коми письменности XV в., недавно введённые в научный оборот, по мнению их публикаторов, свидетельствуют о наличии у восточнославянских книжников интереса к туземным языкам. «Владение этими “экзотическими” языками по средневековым меркам ... по-видимому, было знаком принадлежности к особой интеллектуальной прослойке русских книжников, в том числе тех, кто активно использовал абур (азбука Стефана Пермского – Г.Ф.) в качестве тайнописи, зашифровывая им русские и церковнославянские слова и фразы» [2, 29].

русскому купцу-скупщику, его приказчику или доверенному лицу, возможно из коми, который ездил по северо-западным коми деревням для скупки товара и вынужден был находить общий язык с местными крестьянами.

Как отмечалось, словарь содержит краткий список общеупотребительных слов (термины родства, части тела человека, название частей дома и хозяйственная утварь, пища и посуда, названия животных и птиц и проч.)⁵, которые, в целом, не информативны для атрибуции памятника. Однако некоторые косвенные свидетельства в пользу «коммерческого» происхождения словаря можно отметить.

Так, в словаре представлены названия практически всех пушных зверей, которые добывались для продажи: *выдра, белка, лисица, бобр, росомаха, песец, заяц, горноста́й* и *соболь*. О принадлежности словаря торговым людям говорит также сочетание *Нізь бóжь* – (т) *собольи хвосты́* (л. 188 об.) как отдельный вид товара. Из других возможных товаров в словаре представлены: промысловая птица (*гусь, тетерев, куропатка, лебедь*), домашние животные (*кобыла, мерин, корова, бык, телёнок, овца*, также *овчина*), основные виды зерновых культур (*рожь, ячмень, овес, пшеница, конопля, горох*), а также предметы, которые, по свидетельству историков [10, 131–135], покупало коми население (*шуба, кафтан⁶, перстень, нательный крест, иглы для шитья, образы*). Кроме того, пять глаголов, приведённые в словаре, также могут быть интерпретированы как актуальные при совершении купли-продажи (*продай, дай, привези, подай, проводи, пойдём с мной*).

В пользу «торговой» версии говорит и подробно расписанный денежный счёт⁷, который подобно двуязычным русско-иностранным словарям-разговорникам XVI–XVII вв., мог быть использован для совершения торговых сделок с комиязычным населением.

В целом, он отражает денежную систему Московского государства XVII в., которая была построена на трёх реальных номиналах – серебряной *копейке* и её фракциях: *денге* и *полуденге*, считаемых в счётных рублях, гривнах, полтинах, полуполтинах и алтынах.

В русской части словаря перечень денежных единиц изложен строго последовательно, без каких-либо сбоя и отклонений, представлены все номиналы этого периода: *денга* (от ½ денги до 10), *алтын* (от 1 алтына до 66 алтын) и *рубль* (от 1 рубля до миллиона). Представлен также *грош* = 4 денги, *гривна* = 10 ур, *полполтины* = 25 ур и *полтина* = 40 ур, напр., (185 об.): *Нель денга* – (т) *грошь*; (186 об.): *Кы́зурь* (сорок ур) – (т) *двѣ грывны*; *Кы́зь вѣтурь* – (т) *по(л) по(л)тины* и т. д.

Этого нельзя сказать о зырянской части, в которой значения русских номиналов переданы крайне непоследовательно. Особенно это касается алтына, который, в целом, дан в коми *урах* (иногда в *денге*), однако соотношение 1 алтын = 6 денег = 3 копейки, установившееся ещё 30-ые гг. XVI в. [16, 15], переведённое в коми *уры*, сохраняется в редких примерах. В преобладающем большинстве случаев наблюдается разнობой, ср. (л. 186) *Комы ѳтикурь* (букв. тридцать один ур) – (т) 11 а(л), *Веты мѳнь кѳймѳрь* (букв. пятьдесят один ур) – (т) 23 а(л), (186 об.) *Секакъ́амысур⁸* (букв. сто восемь ур) – (т) 54 а(л) и т. д.

Стройная система номиналов в русской части и её непоследовательная, даже хаотичная, передача в коми части свидетельствует о том, что в основе денежного счёта лежал русский словник. Русский текст читается как основной, т. е. создается впечатление, что это он «толкуется» в коми *денгах, урах* и *шайтах*, а не наоборот. Возможно, чёрный дьякон Прохор приобрёл где-то русско-зырянский словарь и, обладая несомненными лингвистическими способностями, отредактировал его, как это делал с другими материалами сборника [14, 475]. Он вывел на первый план «зырянские речи», уподобив другим материалам сборника, и переписал сплошным текстом, не предполагая его дальнейшего «коммерческого» использования.

Обсуждение и заключение

Очевидно, что вопросы происхождения памятников письменности не могут решаться адекватно как без детального анализа текста, так и без учёта внешних факторов его создания: места, времени, культурно-исторических условий, личности автора или составителя и т. д.

⁵ Подробнее о лексических особенностях словаря см. [20, 94–98].

⁶ Других названий одежды в словаре нет, возможно, потому, что одежда производилась, в основном, в семье. Только верхняя одежда заказывалась и покупалась [10, 133].

⁷ Похожий счёт с использованием коми и удмуртских денежных терминов зафиксирован в диалектных материалах XIX в. [21, 1149; 22, 185, 186, 358; 23, 27; 25: 314].

Чем конкретнее и детальнее будет представлена история происхождения рукописи, тем убедительнее и доказательнее окажется история текста. Необходимо учитывать как можно больше параметров исследования в их взаимосвязи, а также разные аргументы, прямые и косвенные, казалось бы, случайные явления, так как для атрибуции памятника «очень часто второстепенное оказывается первостепенным, а первостепенное второстепенным» [7,41; 8, 38].

Исходя из этих предпосылок, в статье рассмотрены некоторые аспекты происхождения небольшого, но весьма значимого для исторической лексикографии русского и коми языков рукописного памятника XVII в. «Звательные рѣчи зырянского языка, сирѣчь сирскаго» и сделаны следующие выводы.

Фонетико-морфологические и лексические особенности текста указывают на связь языка рукописи с коми-зырянскими говорами бассейнов рек Выми и Ижмы. Учитывая культурно-исторический контекст России XVII в., можно предположить, что словарь принадлежал какому-то торговому человеку, русскому купцу-скупщику, его приказчику или доверенному лицу, который ездил по северо-западным деревням Коми края, скупал пушнину и другие промысловые и сельскохозяйственные товары с целью их последующей перепродажи на центральных рынках европейского севера России. Словарь использовался в торговых операциях с зырянами, которые в тот период в большинстве своём плохо владели русским языком, и при продаже своей продукции предпочитали считать деньги в коми *урах* и *шайтах*, что, к слову, давало купцам дополнительную возможность обманывать малограмотных людей, особенно, из малоимущих слоёв населения.

Структура словаря и особенности творческой работы инока Прохора с материалами сборника допускают возможность, что рукопись была найдена им или у кого-то приобретена. Прежде чем включить её в сборник, Прохор Коломятин переработал двуязычный словарь в соответствии со структурой и общей концепцией сборника и переписал его сплошным текстом. Это в какой-то степени объясняет то, почему в монастырском сборнике среди материалов нравственно-учительного и аскетического содержания оказался словарь с денежным счётом на экзотическом коми языке, который не имеет видимой адресной направленности и не преследует никаких дидактических целей.

Приведённый в словаре денежный счёт, позволяет дополнительно верифицировать хронологические параметры памятника: как номенклатура денежных единиц, так и их соотношение достаточно последовательно отражают особенности русского денежного обращения на рубеже XVI–XVII вв. Однако вопрос о соотношении русских номиналов *денга*, *алтын* и *рубль* и коми денежных понятий *ур* и *шайт* в этот исторический период остается открытым. Непоследовательность передачи номинальных значений алтына коми денежными терминами вызывает ассоциацию с хаосом в российской финансовой системе периода денежной реформы Алексея Михайловича (1653–1664), когда в одновременном обращении были старые серебряные *денги* («московки») и *копейки* («новгородки») и новые серебряные и медные монеты разных достоинств с принудительным курсом, что привело к известному медному бунту 1662 г. Дальнейшее изучение этого вопроса может дать новые аргументы для атрибуции памятника.

Список источников и литературы

1. Веселовский А. Старинные русские ярмарки (XVI и XVII вв.). К истории русских ярмарок на Севере. Краткая историко-экономическая заметка // Кооперация Севера. 1923. № 4. С. 89–90.
2. Грищенко А. И., Понарядов В. В. Новые находки памятников древнепермского языка и письма // Урало-алтайские исследования. 2021. № 4(43). С. 7–34.
3. Жеребцов И. Л., Сметанин А. Ф. Коми край: очерки о десяти веках истории. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003. 368 с.
4. История коми с древнейших времен до конца XX в. В 2-х т. / отв. ред. В. И. Турубанов. Сыктывкар: Коми кн. изд., 2004. Т. 1. 559 с.
5. Кошелева О. Е. Формирование интеллектуальной элиты XVII в. и учебные труды Прохора Коломятина // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2015. № 1 (136). С. 8–17.
6. Красильникова Э. Д. Торговля и торговые люди Коми края в XVII в. Сыктывкар: изд. Коми филиала АН СССР, 1972. 58 с. (Серия «Научные доклады Коми филиала АН СССР», Вып. 5).
7. Лихачёв Д. С. Вопросы атрибуции произведений древнерусской литературы // О принципах определения авторства в связи с общими проблемами теории и истории литературы. М.; Л.: Наука, 1960. С. 17–41.

8. Лихачёв Д. С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII веков. М.- Л.: Наука, 1964. 102 с.
9. Лыткин В. И. Древнепермский язык. Чтение текстов. Грамматика. Словарь. М.: изд. Академии наук СССР, 1952. 174 с.
10. Мацук М. А. Коми край от Бориса Годунова до Петра I: Очерки истории коми крестьянства конца XVI–XVII вв. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. 182 с.
11. Морозов Б. Н. Устьвымский книгописный центр. Новые памятники древней коми письменности конца XV – начала XVI вв. // Арт. 2013. № 3. С. 4–16.
12. Павлина Т. В. Таможенное дело и развитие торговли в Коми крае в конце XVI – середине XVIII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2014. 36 с.
13. Савельева Н. В. Неизвестные памятники лексикографии в «Цветнике» Прохора Коломнятина // Русская литература. 2019. № 3. С. 54–63.
14. Савельева Н. В., Козинцев М. А. Тюркско-русский словарный фонд в сборнике инока Прохора Коломнянина 1668 г. // Труды отдела древнерусской литературы. СПб.: Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом). 2020. Том. 67. С. 468–552.
15. Савельева Н., Муллонен И., Федюнева Г. Карело-русский и коми-зырянско-русский словари-разговорники в рукописном сборнике 1668 г. // Linguistica Uralica. 2021. № 4. С. 1–27.
16. Спасский И. Г. Алтын в русской денежной системе // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М.: Наука, 1956. № 66. С. 12–20.
17. Сперанский М. Н. Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма. Л.: АН СССР, 1929. 162 с. (серия «Энциклопедия славянской филологии», Вып. 4.3)
18. Трифонова И. О. Культ прп. Трифона Вятского и деятельность первых вятских епископов (к 350-летию Вятской Епархии) // Вестник Удмуртского университета. 2007. № 7. С. 41–54.
19. Туркин А. И. Об одном малоизвестном памятнике письменности // Festschrift für Raia Bartens. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1993. С. 277–281.
20. Федюнева Г. В. Новооткрытый рукописный словарь коми-зырянского языка в истории коми лексикографии // Вопросы лексикографии. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет. 2021. № 3. С. 87–104.
21. Fokos-Fuchs D. Syrjänisches Wörterbuch: in 2 B. Budapest: Akademia Kiado, 1959. B. 1. 714 p.; B. 2. 715 p.
22. Munkácsi B. A votják nyelv szótára. Budapest: [w/p], 1896. 868 с.
23. Rédei K. Permjakisches Wörterverzeichnis aus dem Jahre 1833 auf Grund der aufzeichnungen F. A. Wolegows. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1968. 139 s.
24. Vitsen N. Noord end Oost Tartaryen. Amsterdam: MDCCV, 1705. Vol. II. Pp. 811–812.
25. Wichmann Y. Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre: Aufgezeichnet von Yrjo Wichmann. Bearbeitet und herausgegeben von T.E.Uotila. Helsinki: SUS, 1942. 486.

References

1. Veselovskiy A. *Starinnye russkie jarmarki (XVI i XVII vv.). K istorii russkih jarmarok na Severe. Kratkaja istoriko-jekonomicheskaja zametka* [Old Russian fairs (XVI and XVII centuries). To the history of Russian fairs in the North. Brief historical and economic note]. *Kooperacija Severa* [Cooperation of the North], 1923, no. 4, pp. 89–90. (In Russian)
2. Grishhenko A. I., Ponaryadov V. V. *Novye nahodki pamjatnikov drevnepermnskogo jazyka i pis'ma* [New finds of monuments of the ancient Permian language and writing]. *Uralo-altajskie issledovanija* [Ural-Altai Studies], 2021, no. 4 (43), pp. 7–34. (In Russian)
3. Zherebtsov I. L., Smetanin A. F. *Komi kraj: ocherki o desjati vekah istorii* [Komi Krai: essays on ten centuries of history]. Syktyvkar: Komi kn. izd. Publ., 2003. 368 p. (In Russian)
4. *Istorija komi s drevnejshih vremen do konca XX v. V 2-h t.* [The history of the Komi from ancient times to the end of the XX century. In 2 vol.]. Ed. by V. I. Turubanov. Syktyvkar: Komi kn. izd. Publ., 2004. Vol. 1. 559 p. (In Russian)
5. Kosheleva O. E. *Formirovanie intellektual'noj jelity XVII v. i uchebnye trudy Prohora Kolomnjatina* [Formation of the intellectual elite of the XVII century and the educational works of Prokhor Kolomnyatin]. *Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki* [Proceedings of the Ural Federal University. Series 2: Humanities], 2015, no. 1 (136), pp. 8–17. (In Russian)
6. Krasilnikova E. D. *Torgovlja i trgovye ljudi Komi kraja v XVII v.* [Trade and trading people of the Komi region in the XVII century]. Syktyvkar: izd. Komi filiala AN SSSR Publ., 1972. 58 p. (Seriya “Nauchnye doklady Komi filiala AN SSSR”, *Vyp. 5* [Series “Scientific reports of the Komi Branch of the USSR Academy of Sciences”, iss. 5]). (In Russian)
7. Likhachev D. S. *Voprosy atribucii proizvedenij drevnerusskoj literatury* [Issues of attribution of works of ancient Russian literature]. *O principah opredelenija avtorstva v svjazi s obshhimi problemami teorii i istorii literatury* [On the principles of determination of authorship in connection with general problems of theory and history of literature]. Leningrad: Nauka Publ., 1960. pp. 5–12. (In Russian)
8. Likhachev D. S. *Tekstologija: Na materiale russkoj literatury X–XVII vekov* [Textology: On the material of Russian literature of the X–XVII centuries]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1964. 102 p. (In Russian)

9. Lytkin V. I. *Drevnepermjskij jazyk. Chtenie tekstov. Grammatika. Slovar'* [The Old Permian language. Reading texts. Grammar. Dictionary]. Moscow: izd. Akademii nauk SSSR Publ., 1952. 174 p. (In Russian)
10. Matsuk M. A. *Komi kraj ot Borisa Godunova do Petra I: Oчерки istorii komi krest'janstva konca XVI–XVII vv.* [Komi Krai from Boris Godunov to Peter I: Essays on the history of the Komi peasantry of the late XVI–XVII centuries]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo Publ., 1993. 182 p. (In Russian)
11. Morozov B. N. *Ust'vymjskij knigopisnyj centr. Novye pamjatniki drevnej komi pis'mennosti konca XV – nachala XVI vv.* [Ust-Vym book-writing center. New monuments of ancient Komi writing of the late XV – early XVI centuries]. *Art* [Art], 2013, no. 3, pp. 4–16. (In Russian)
12. Pavlina T. V. *Tamozhennoe delo i razvitie trgovli v Komi krae v konce XVI – sredine XVIII veka* [Customs and trade development in the Komi Krai in the late XVI – middle XVIII centuries]. Moscow, 2014. 36 p. (In Russian)
13. Savelyeva N. V. *Neizvestnye pamjatniki leksikografii v "Cvetnike" Prohora Kolomnjatina* [Unknown monuments of lexicography in the "Flower Garden" of Prokhor Kolomnyatin]. *Russkaja literatura* [Russian Literature], 2019, no. 3, pp. 54–63. (In Russian)
14. Savelyeva N. V., Kozintsev M. A. *Tjurksko-russkij slovarnyj fond v sbornike inoka Prohora Kolomnjatina 1668 g.* [Turkic-Russian dictionary fund in the collection of Monk Prokhor Kolomnyatin 1668]. *Trudy otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Saint-Petersburg: Institut russkoj literatury RAN (Pushkinskij dom) Publ., 2020. Vol. 67. pp. 468–552. (In Russian)
15. Savelyeva N., Mullonen I., Fedyuneva G. *Karelo-russkij i komi-zyrjansko-russkij slovari-razgovorniki v rukopisnom sbornike 1668 g.* [Karelian-Russian and Komi-Zyryan-Russian dictionaries in a handwritten collection of 1668]. *Linguistica Uralica* [Linguistica Uralica], 2021, no. 4, pp. 1–27. (In Russian)
16. Spassky I. G. *Altyn v russkoj denezhnoj sisteme* [Altyn in the Russian monetary system]. *Kratkie soobshhenija o dokladah i polevyh issledovanijah Instituta istorii material'noj kul'tury* [Brief reports on the reports and field studies of the Institute of the History of Material Culture]. Moscow: Nauka Publ., 1956. Vol. 66. pp. 12–20. (In Russian)
17. Speransky M. N. *Tajnopis' v jugo-slavjanskih i russkih pamjatnikah pis'ma* [The secret writing in the South Slavic and Russian monuments of writing]. Leningrad: AN SSSR Publ., 1929. 162 p. (Seriya "Jenciklopedija slavjanskoj filologii", vyp. 4.3 [Series "Encyclopedia of Slavic Philology", iss. 4.3]). (In Russian)
18. Trifonova I. O. *Kul't prp. Trifona Vjatskogo i dejatel'nost' pervyh vjatskih episkopov (k 350-letiju Vjatskoj Eparhii)* [The cult of St. Tryphon of Vyatka and the activities of the first Vyatka bishops (to the 350th anniversary of the Vyatka Diocese)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of the Udmurt University], 2007, no. 7, pp. 41–54. (In Russian)
19. Turkin A. I. *Ob odnom maloizvestnom pamjatnike pis'mennosti* [About a little-known monument of writing]. *Festschrift fur Raia Bartens*. Helsinki: Suomalais-ugrilaisen Seura Publ., 1993. pp. 277–281. (In Russian)
20. Fedyuneva G. V. *Novootkrytyj rukopisnyj slovar' komi-zyrjanskogo jazyka v istorii komi leksikografii* [The newly discovered handwritten dictionary of the Komi-Zyryan language in the history of Komi lexicography]. *Voprosy leksikografii* [Issues of Lexicography], 2021, no. 3, pp. 87–104. (In Russian)
21. Fokos-Fuchs D. *Syrjänisches Wörterbuch: in 2 B.* Budapest: Akademia Kiado, 1959. 1564 p. [B. 1. 714 p.; B. 2. 715 p.]. (In German)
22. Munkácsi B. *A votják nyelv szótára.* Budapest: [w\p], 1896. 868 p. (In Hungarian)
23. Rédei K. *Permjakisches Wörterverzeichnis aus dem Jahre 1833 auf Grund der aufzeichnungen F. A. Wolegows.* Budapest: Akadémiai Kiadó, 1968. 139 p. (In German)
24. Vitsen N. *Noord end Oost Tartaryen.* Amsterdam: MDCCCV, 1705. Vol. II. pp. 811–812. (In Dutch)
25. Wichmann Y. *Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzugen der Formenlehre: Aufgezeichnet von Yrjo Wichmann.* Helsinki: SUS, 1942. 486 p. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Федюнева Галина Валерьяновна, главный научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Федерального исследовательского центра «Кomi научный центр Уральского отделения Российской академии наук» (167982, Российская Федерация, Республика Коми г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26), доктор филологических наук.

fedyuneva@yandex.ru

ORCID.ORG 0000-0003-4036-6106

ABOUT THE AUTHOR

Fedyuneva Galina Valeryanovna, Chief Researcher, Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (167982, Russian Federation, Republic of Komi, Syktyvkar, Kommunisticheskaya st., 26), Doctor of Philological Sciences.

fedyuneva@yandex.ru

ORCID.ORG 0000-0003-4036-6106